

Ольга Березовская

**Точка возврата. Подари
жизнь**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-56

Ольга Березовская

О-56 Точка возврата. Подари жизнь / Ольга Березовская – М.: Lennex Corp, —
Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 300 с.

ISBN 978-5-524-02426-8

Она пришла спасать его, зная, что он, возможно, выжил вместо её мужа во время эвакуации раненых. Он согласился жить, только чтобы доказать ей и остальным, что достоин этой жертвы. Но ни один из них точно не ожидал, что их отношения выйдут за рамки «реабилитолог – пациент». Точка возврата в жизнь найдена. Остаётся только сделать выбор: построить новую жизнь на руинах старой или погибнуть под их обломками. Вместе.

ISBN 978-5-524-02426-8

© Lennex Corp, 2026
© Ольга Березовская, 2026

Глава 1. Не забирай...

Густая тягучая тишина в приёмном покое казалась неестественной. Несколько месяцев назад о такой тишине можно было только мечтать. Стоны, сдавленные крики за дверями, гул голосов, грохот каталок – всё это начало стихать весной. Виктория на автомате готовила операционную. Конкретно в этот момент в ней необходимости не было. Но пусть, на всякий случай всё готово будет. Чтоб потом время не терять понапрасну.

Перемирие. Это слово висело в воздухе, как не окончательный диагноз. Все ещё ждали рецидива, держались в тонусе, но тело и нервы, измотанные месяцами авралов, уже начинали расслабляться. И это расслабление было опаснее любого напряжения.

В кармане завибрировал телефон.

Дима: Викуль, привет. Не спишь?

Уголки её губ сами собой дрогнули в подобии улыбки.

Вика: Дежурю. Всё тихо, можно и подремать. Ты как там?

Три точки то появлялись, то исчезали. Он набирал что-то долго, будто выбирал слова.

Дима: Спокойно пока. Но сейчас выезжаем. Заварушка мелкая на окраине. Эвакуация, четверо наших раненых. Дело на час-полтора, не больше. Как вернусь на базу – позвоню. Не скучай. Целую.

Обычная их переписка. Таких за последний год были сотни. Но сегодня что-то щёлкнуло внутри. Вика глубоко вдохнула, запах антисептика заполнил лёгкие. Попыталась загнать поднимающуюся волну тревоги обратно, куда-то в подкорку. Не накручивай. Обычная работа. С ним надёжные ребята. Она проговорила это мысленно, как мантру, убирая телефон и с силой выдыхая.

Но тишина вокруг, прежде успокаивающая, теперь давила. Она закончила раскладку, подошла к высокому окну, за которым была крошечная тьма летней ночи.

- Вика, всё спокойно? – окликнула её из-за спины другая медсестра.

- Пока да, – кивнула Вика, отворачиваясь от окна. – Тишина.

- Да уж, непривычно. Словно перед бурей, – бросила та на ходу и скрылась в коридоре.

Перед бурей. Слова, как игла. Вика потёрла виски. Ей нужно было отвлечься. Она заварила крепкий чай в крошечной комнатке для персонала. Попыталась читать очередную статью по реабилитации. Сейчас уже можно

было к этому вернуться. Когда-то Вика не доучилась в меде, но мечту стать реабилитологом не оставила. И теперь она была в этом деле на голову выше многих специалистов с дипломами. Буквы расплывались. В мыслях Вика была рядом с Димой, как и год назад. Когда всё только начиналось.

Сон накатил почти мгновенно, тяжёлый, как свинцовая волна. Но это был не отдых. Это был кошмар наяву, составленный из обрывков реальности. Грохот, взрывы за окном. Крики – не пациентов, а чужие, мужские, полные ужаса и боли. Она бежала по бесконечному белому коридору, но вместо дверей в палаты по сторонам зияли окопы, а на каталках лежали люди в разорванном камуфляже, и она не могла никому помочь, потому что не видела их лиц под масками крови и грязи. И где-то впереди, за последней дверью, до которой никак не добежать, звонил телефон. Звонок был настойчивым, пронзительным, как сирена.

Вика дёрнулась, проснулась от собственного резкого движения. Сердце колотилось, ладони были влажными. В ушах ещё стояло эхо того звонка. Рабочий телефон молчал, личный – тоже. Она встала, прошлась по коридору, заглянула в ординаторскую. Всё как всегда.

Вернувшись на пост, Вика взяла телефон. Палец замер над кнопкой вызова Димы. Не надо. Не отвлекай его. Он за рулём. Или занят эвакуацией. Она положила аппарат обратно, сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль, острая и ясная, немного прояснила сознание.

Она решила сделать ещё один круг, проверить, всё ли в порядке в операционных. Автоматические действия успокаивали. Зашла в первую операционную – стерильный блеск нержавеющей стали, ровные ряды инструментов. Запах хлорамина. Здесь она была в своей стихии. Здесь всё подчинялось логике, протоколу, контролю. Здесь не было места беспричинным страхам.

Но всплыло другое воспоминание. Зимнее. Она, только из операционной, и Дима, пахнущий ветром, морозом и порохом. Стоят и обнимаются в коридоре. И не знают, когда увидятся в следующий раз. Тихое, еле слышное: «Люблю, скучаю». И разбегаются оба по своим постам.

– Вика, вот ты где! Тут всё готово. Хорошо, – заведующий Евгений Дмитриевич осматривает операционную. – Готовь остальные.

– Что? Что случилось? – встрепелась она.

– Везут шестерых. Тяжёлые. Будут минут через двадцать.

Слова обрушились, как удары. Шестеро. Надо шесть полноценных бригад. Только где их взять? Ещё и в реалиях комендантского часа.

– Кого вызываем? – её голос прозвучал хрипло.

– Уже вызывают кого надо. Но могут не успеть. Раненых наш Роман везёт.

Вика, поправлявшая шапочку, замерла. Роман Барсентьев. Их друг Барс.

Лучший травматолог отделения, ушедший год назад добровольцем в медроту. Если раненых везёт он сам, значит, всё плохо. Значит, они едут, может быть, наперегонки со смертью, и каждая минута в пути – пытка для него самого. И целых шестеро...

– Поняла, – коротко бросила она и рванула к двери, обгоняя заведующего. Её мысли уже бежали впереди тела.

Она вернулась в приёмный покой. Заведующий не отрывался от телефона. Его лицо было напряжено.

– Евгений Дмитриевич, кто на каких операционных?

Заведующий провёл рукой по лицу, жест был усталым и резким

– Я оперирую. Ты мне assistiруешь в первой. Михеев берёт вторую. В третью... – он заколебался, взгляд его ушёл в пол. – В третью пойдёт Роман, если согласится.

В его глазах боролись нежелание нарушать протокол, отчаяние и холодный расчёт. Роман сейчас был действующим военным врачом, не сотрудником их больницы. Допустить его к столу – нарушить всё, что можно. Но на кону были жизни. Шесть жизней.

– Можно я с ним? Мы всё-таки много лет вместе в операционной были, – попросила Вика.

– Ладно, – выдавил он. – Третья операционная. Если Роман будет в состоянии.

Грохот каталок ворвался вместе с запахом войны – пороха, гари, железа и чего-то такого, отчего свело желудок. Двери распахнулись настежь, и в них начали вкатывать каталки. Вика, стоявшая на пороге операционного блока, оценивала всё холодным взглядом профессионала. Первая каталка: молодой парень, лицо залито кровью, одна нога неестественно вывернута. Вторая: мужчина постарше, кричит, хрипло, беззвучно, хватаясь за живот. Третья...

Её глаза скользнули по фигуре на третьей каталке, и мир рухнул. Всё вокруг – шум, крики, мельтешение людей – ушло куда-то на сотый план. Осталось только это лицо. Белое, почти серое, под наплывами грязи и запёкшейся крови. Губы синие, плотно сжатые. Глаза закрыты. Но очертания скул, линия брови, даже то, как лежала его рука, ладонью вверх, с чуть подогнутыми пальцами – всё это было знакомо до каждой молекулы. Дима. Воздух вырвался из её лёгких беззвучным стоном. Она не осознала, что сделала шаг вперёд, потом ещё один. Протянула руку, чтобы коснуться его, своего Димы.

И тут перед ней возник Роман. В своём залитом грязью и тёмными пятнами камуфляже вместо белого халата. На его измазанном лице читалась такая усталость и горе, что Вике стало физически больно смотреть на него. А он

глянул на неё, и в этом взгляде читалось всё. И в первую очередь, вина. Глухая, всепоглощающая. Роман открыл рот, губы дрогнули, и он выдохнул хрипло, почти беззвучно, но она прочла по губам, а потом и услышала сквозь грохот:

– Вика... Прости. Не уберёг.

Эти три слова вонзились в неё, как ледяные иглы. «Не уберёг». Но она понимала, Роман сделал всё, что мог сделать там. И не потому, что, они с Димой друзья с детства. Это его долг. Иначе он не был бы здесь. Она кивнула, резко, почти судорожно. Не словами – жестом. Неважно. Сейчас неважно.

Евгений Дмитриевич, растолкав санитаров, рванулся к каталкам и крикнул, перекрывая шум:

– Первый и второй – самые тяжёлые! Роман, ты берёшь второго! Я беру первого! Третьего и четвёртого – во вторую, Михееву! Пятого и шестого – в третью на стабилизацию!

Вика услышала это и, как будто её вытолкнули из ступора, рванулась вперёд. Она вклинилась между Романом и каталкой Димы.

– Я с тобой, Рома! – её голос прозвучал не как просьба, а как приказ, хриплый и не свой. – Я буду ассистировать. Мы с тобой, мы...

Она уже тянулась к каталке, её пальцы инстинктивно искали пульс на шее мужа. Слабый, едва уловимый – но он был. Он был жив. Значит, есть шанс. И будто чудо какое-то, Дима на мгновение открыл глаза и прохрипел: «Прости...»

Сильная, цепкая рука схватила её за локоть, резко оттащила в сторону. Евгений Дмитриевич встал между Викторией и каталкой. Его лицо исказилось от боли, но он был в первую очередь врачом. И на ещё одно нарушение пойти не мог.

– Иримина, ты не можешь! – он нам

еренно назвал Вику по фамилии. – Ты же его жена! По всем правилам, по всем понятиям – ты не можешь! Ты идёшь со мной, как и планировали сначала. Если можешь. Если не можешь – я пойму. Решайся, Вика!

Слова прозвучали как выстрел. «Ты не можешь». Профессиональное табу. Конфликт интересов. Эмоциональная вовлечённость. Она сама, сто раз, вбивала это в головы студентам и новым сёстрам. Хирург должен быть беспристрастным богом, а не дрожащим от ужаса и надежды человеком у стола любимого. Это правило было высечено в камне. И сейчас этот камень обрушился на неё. Евгений Дмитриевич не ждал ответа. Он уже бежал обратно, к первому тяжёлому, к своей операционной. Дверь перед Викторией распахнулась, и её втянуло внутрь.

Тишина операционной, резко контрастирующая с адом в коридоре, оглушила её. Здесь уже царил другой ад – стерильный, холодный, освещённый безжалостным светом. На автомате она подошла к столу и жёстко, профессионально зафиксировала картину: рваные раны, тёмная, почти чёрная кровь, осколки, обрывки ткани.

Не думать. Это был первый и единственный приказ, который Вика отдала себе. Не думать о том, что за стеной. Не думать о его лице. Работать. Она смотрела только на операционное поле. На руки врача. Слушала только его команды. Её собственные движения были отточенными, точными, быстрыми. Годы муштры сделали своё дело. Её разум отступил в тень, уступив место медсестре, запрограммированной. Она подавала инструменты, отсасывала кровь, прижимала тампоны. Всё правильно. Всё так, как надо.

Но где-то на задворках сознания, за той бетонной стеной, которую она возводила изо всех сил, пробивался тонкий, ледяной луч осознания. Она узнала этого пациента. Мельком, краем глаза, когда их вкатывали. Это Димин сослуживец. Может быть, тот, кого они эвакуировали. Может быть, тот, с кем они поехали. Его лицо казалось сейчас совершенно незнакомым.

Операция длилась бесконечно. Каждая минута растягивалась в час. Она ловила себя на том, что прислушивается не к командам врача, а к звукам из-за стены. Но сквозь толстые двери не доносилось ничего, кроме приглушённого гула систем и собственного неровного дыхания под маской.

Дверь в их операционную приоткрылась. Кто-то вошёл и, молча, встал рядом. Роман. Его руки Вика узнала бы даже в темноте. Но глаз она не подняла. Она не могла. Если она увидит в его глазах ответ раньше времени, её стена рухнет окончательно. Она смотрела только на рану, только на алую, пульсирующую плоть под её руками. Здесь она ещё могла что-то контролировать. Здесь она ещё была нужна. Хотя бы этому мужчине, чья жизнь тоже висела на волоске.

Она зажмурилась на долю секунды, ощущая, как под маской по её щеке скатывается горячая, солёная капля. Потом снова открыла глаза. И продолжила работать. Потому что другого выбора у неё не было. Её война сейчас шла здесь, на этом столе. А исход той, другой войны, ей оставалось только ждать. И надеяться, что там победили.

Четыре часа – это вечность. Это невысказанное количество решений, принятых на грани паники. Когда наконец послышалось хриплое: «Всё. Ушиваем. Дальше – реанимация», Вика не сразу поняла смысл слов. Её сознание, зажатое в тисках концентрации, медленно раскручивалось, как туго заведённая пружина. Она отступила от стола, её руки сами опустились вдоль тела. Взгляд упал на пациента. Живой. Его грудная клетка поднималась и опускалась в такт с аппаратом ИВЛ. Монитор показывал неровную, но упрямую зелёную кривую. Вика не почувствовала облегчения. Только оглушительную, ватную пустоту.

Вика наконец-то позволила себе посмотреть на Романа. Всё вокруг – тихий

гул ночной больницы, чьи-то шаги вдалеке, пиканье аппаратов – растворилось, схлопнулось в точку. Весь мир уместился в пространстве между ними.

Они смотрели друг на друга. Никаких слов. Никаких жестов. Они смотрели – и всё было понятно. Они проработали бок о бок десять лет. Они спасали и теряли вместе. Они понимали друг друга с полувзгляда, с полудвижения. А сейчас понимание было полным и абсолютным. В его глазах не было надежды. Не было вопроса. Была только тяжёлая, окончательная ясность. Ясность, которую он принёс из той операционной. И бездонная, неподъёмная скорбь. Вика увидела в них отражение собственной пустоты. И поняла всё. Димы больше не было.

Мысль не пришла словами. Она ударила физически, в солнечное сплетение. Воздух вырвался из её лёгких беззвучным спазмом. Ноги подкосились, но он удержал. Она продолжала смотреть на Романа, и он смотрел на неё, не отводя глаз, принимая на себя весь удар её понимания.

Он прижал лоб к её плечу, и Вика почувствовала, как всё его тело содрогнулось. Тихий, прерывистый звук вырвался из его груди. Не рыдание, а что-то гортанное, звериное.

– Прости... – прошептал он, его голос был разбитым, лишённым всяких интонаций. – Прости, Вика... Я... я не смог... я...

Он не мог договорить. Виска сжала зубы до боли. Её собственные слёзы, до этого замороженные где-то глубоко внутри, начали медленно, неумолимо подниматься, жгли горло, застилали глаза пеленой. Но она не дала им прорваться. Не сейчас.

Она подняла руки и обняла его в ответ. Так же крепко. Опираясь на него, как он на неё. И когда заговорила, её голос прозвучал удивительно тихо, ровно, почти спокойно, сквозь эту предательскую хрипоту слёз:

– Ром... не извиняйся. Ты сделал всё, что мог. И даже больше.

Она отстранилась ровно настолько, чтобы посмотреть ему в лицо. Его глаза были красными, мокрыми, полными такой немой муки, что сердце сжалось.

– Ты сделал всё, – повторила она, вкладывая в каждое слово всю силу, какая ещё оставалась. – И не потому, что он твой друг. А потому что ты врач. Ты боролся за него как врач. До конца. Как и все здесь.

Вокруг них медленно оживал больничный мир. Зашевелились санитары, покатали каталку с Данилом в реанимацию. Кто-то тихо плакал в стороне. Заведующий, сгорбившись, поплёлся в свой кабинет – оформлять бумаги, звонить родным. Делать то, что нужно делать после. Всегда после.

Но они стояли. Минуту. Две. Пока ледяная дрожь не стала одолевать тело Вики, пока ноги не онемели окончательно. Пока не пришло осознание, что эти четыре часа закончились. И началось то, что будет длиться вечно –

жизнь «после». Жизнь, в которой Димы больше нет. А в соседней палате лежит человек, которого он, возможно, спас ценой своей жизни. И им предстоит как-то жить с этим. Но не сейчас. Сейчас им нужно было просто выстоять. И они стояли.

Темнота. Вязкая. Тяжёлая. Густая. Она давила на веки, заливала лёгкие, в ней не было ни верха, ни низа, ни времени. Но где-то в самой её гуще пульсировала боль. Тупая, но настойчивая, как удары метронома. Эта боль была якорем, единственной нитью, связывающей его с реальностью. А реальность ускользала, как живая рыба из рук. И из этой темноты, подгоняемые болью, всплывали картины. Яркие, но неотчётливые. Как фотоплёнка из детства, засвеченная по краям.

Лето у бабушки с дедушкой. Пахнет пылью, спелой черемухой из посадки и угольной пылью от террикона. Он, семилетний Данька, в стёганных штанах, уже порванных на коленке, ползёт на животе по сухой, колючей траве. В руке – самодельный лук, тетива из рыбацкой лески. Впереди, за стволами кривых берёз – штаб «врага», давно заброшенная, покосившаяся будка сторожа.

Рядом с ним сопит и ползёт Валерка, лучший друг, с таким же луком. Лица вымазаны землёй для маскировки.

– Тише, Кот, – шипит Валерка. – Они уже близко!

Сердце колотится не от страха, а от восторга. Это самая важная война на свете. Захват штаба, плен вражеского генерала Петьки из пятого подъезда. От исхода этой битвы зависит всё: кто первый будет качаться на единственных качелях во дворе.

Он приподнимается на локтях, натягивает тетиву. Стрела с присоской от детского пистолета дрожит на конце. Целится в дверь будки. Выдох. Щелчок. Стрела со звонким шлепком втыкается в гнилую древесину, в сантиметре от Петькиной фуражки. Визг, топот, крики «Убит! Все, Кот, твоя взяла!».

Данька вскакивает во весь рост. Солнце бьёт в глаза, слепит. Он кричит, ликуя, и его крик сливается со смехом мальчишек. Валерка хлопает его по спине. Они победили. Мир прост, ясен и прекрасен. Боль существует только в виде разбитой коленки или подзатыльника от отца. Война – это игра. Смерть – это притворное падение на траву с криком «А-а-а, меня подбили!» и последующий смех.

Запах пыльной травы, жара, вкус победы на языке. Полная, безоговорочная радость.

Вдруг темнота разлетается на тысячу осколков. Осколки впиваются в тело и собираются уже совершенно в другую тьму – горячую и рвущую. И жестокую.

Та же посадка, что и тридцать шесть лет назад. Не день, а летняя ночь. И пахнет не черемухой, а едкой гарью, бензином и порохом. Он не ползёт. Он бежит, согнувшись в три погибели., но не по траве, а по грязи, перемешанной с осколками кирпича и щепками. В руке, не лук, а автомат. Рядом Дима, а не Валерка. И враг уже настоящий, а не назначенный.

Он уже не Данька. Он – «Архитектор». Позывной. Тащит на себе раненого товарища, потому

что по-другому нельзя. Потому что это уже не игра. Потому что здесь «убит» – значит навсегда. Они эвакуируют четверых молодых пацанов. Главное – довести. А там Барс их подлатает уже. Машина ждёт за поворотом, в низине, замаскированная. Осталось каких-то двести метров. Но самых опасных метров.

Дима, его напарник, идёт чуть впереди, прикрывая. Его движения чёткие, выверенные. Он не смотрит по сторонам – он сканирует пространство, каждую воронку, каждое окно в руине. Балагур и остролов. За этот год он стал другим за эти месяцы – тише, собраннее, в глазах появилась постоянная, пристальная глубина.

– Давай, живей! – бросает Дима через плечо, голос низкий, напряжённый. – Чувствую, сейчас понесётся.

Они почти у машины. Сейчас погрузят мальчишек, и уедут отсюда.

Вспышка. Острая, белая, как удар по глазам. Боль в ноге превращается в ослепительный взрыв, от которого звенит в ушах и перехватывает дыхание. Темнота пытается сомкнуться, но память издевательски продолжает подкидывать воспоминания.

Оглушительный грохот настигает их уже в пути. На обратном пути за рулём уже не он. Земля содрогается под ними. Между разрывами Дима начинает говорить. Почти обыденно, но в его голосе, перекрывающем рёв мотора и отдалённый гул, звучит странная нота. Не страх. Сожаление. Глубокая, тихая человеческая грусть.

– Эх, Данька... – говорит он, и в уголке его глаза, кажется, дрогнула та самая, знакомая усмешка, но теперь она горькая, как полынь. – А так хотелось, понимаешь... До золотой свадьбы дожить. И у Евы на выпускном погулять. Платье белое купить, как у принцессы...

Слова. Они такие простые. Такие невероятно далёкие от этого ада. Они о другом мире. О мире, где есть «золотые свадьбы», «выпускные» и «белые платья принцесс». О мире, который Дима оставил там, всего лишь в нескольких километрах отсюда.

Данил хочет что-то сказать. Крикнуть: «Да брось, доживём! Увидишь ты дочь в этом платье!» Или просто бранное, ободряющее: «Да заткнись ты, мечтатель! Смотри в оба!». Но язык не слушается. Горло сжато. Он только смотрит на него, на этого взрослого мужчину с детской, несвоевременной

мечтой в глазах.

И в этот миг всё взрывается. Ослепительная, всепоглощающая вспышка, которая съедает все образы, звуки, запахи. Она не оглушает – она стирает.

Последнее, что успевает зафиксировать его сознание, прежде чем его швырнёт в чёрную, бездонную яму, – это не взрыв. Это нога Димы на педали газа и спокойное «Вырвемся!»

Темнота. Густая, абсолютная. Без снов, без картинок. Только пульсирующая, вселенская боль и далёкий, назойливый звук. Писк. Ровный, механический писк.

Тьма отступает, но не уходит. Она становится серой, мутной. В ней плавают разрозненные ощущения. Холод. Жидкость, вливающаяся в вену. Голоса. Приглушённые, плавающие где-то над головой: «...потерял много крови... множественные... селезёнка...» Механический вдох-выдох. Не его. Аппарата. Запах. Стерильный, химический. Хлорка, спирт, лекарства. Никакой черемухи. Никакой гари. Другой ад.

Глава 2. Белая тишина

Противная мелкая морось дождя не дарила прохладу жарким летним днём. От влажности казалось только жарче. Да и мокрый чернозём тонким слоем размазывался по обуви. Небо будто плакало. Но не навзрыд. А сдерживаясь, будто пряча слезинки. Как и все на похоронах Димы. «Если со мной что-то, то вы всемирный потоп не вздумайте устроить» - вспомнилась Вике фраза, брошенная мужем год назад. Вот природа и послушалась.

Вика держала за руку Еву. Маленькая ладонь дочери была холодной и влажной, как и её собственная. Несмотря на жару. Она смотрела на гроб, нелепый, показной. Он не подходил Диме. Ему бы что-то простое, деревянное. Или лучше вообще ничего – чтобы просто ушёл в землю, откуда пришёл. Всё происходящее казалось Вике какой-то бессмысленной формальностью, жутким, отлаженным ритуалом прощания, который и прощанием-то нельзя назвать. Сплошная глухая и бесформенная боль, зацепившая всех присутствующих.

Вика не плакала. Слезы закончились в первый день в квартире Романа, когда его жена убаюкивала её, словно маленькую девочку. Сейчас внутри была только пустота и странное, отстранённое наблюдение. Она и себя-то видела словно со стороны: чёрное платье, слишком большое, будто с чужого плеча, бледная маска вместо лица. Она видела Еву рядом – в синем платье с белым воротничком, которое натянула на неё бабушка, Димина мама. «Папу надо провожать красиво». Девочка смотрела на гроб широко открытыми глазами, не понимая до конца, но чувствуя всеобщую тяжесть. Она прижималась к матери, Вика же с трудом сдерживалась, чтоб не увести её отсюда.

Справа стояли Рома, Саша и Юра. Ещё трое осиротевших без друга. Роман наблюдал за всеми профессиональным взглядом врача. Юра с Сашей сутулились и казались такими же потерянными, как и она сама. Слева – женщины. Дина и Юлия. Их взгляд был прикован к Вике. Они ловили каждый её вздох, и были готовы в любой момент подхватить, поддержать, отвести в сторону.

За ними – родители. Димин отец, Николай Иванович, стоял навытяжку, со слезами на глазах. Мама, Валентина Степановна, опиралась на мужа. Она смотрела на своего единственного сына и, казалось, готова была шагнуть следом за ним. Её родители, в один миг постаревшие. Родители друзей. Сослуживцы. Какие-то совершенно незнакомые ей, Вике, люди.

Священник закончил. Наступила та тягостная пауза, когда все ждут, что кто-то должен сделать первый шаг, бросить горсть земли. Все смотрели на Вику. Она не двигалась. Она не могла. Мысль о том, чтобы взять в руки эту холодную, липкую грязь и бросить её на полированную крышку, была чудовищной, кощунственной. Она не хоронила его. Она не могла. Но всё-таки соблюла ритуал. А следом за ней и все остальные.